

Т.А. Вархотов

к.филос.н., доцент, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Институт экономики РАН (Москва)

МЕТОД ПРОТИВ ИСТИНЫ (Часть 2. Схизма с советским марксизмом и трансформация дискурса Франкфуртской школы)

Аннотация. Статья является второй частью исследования эволюции теоретических взглядов Франкфуртской школы в контексте истории марксизма и развития «левой идеи» в XX в. Центральным сюжетом является перерождение «критической теории» в конформистскую квази-либерально-демократическую позицию, сохраняющую лишь отдалённое номинальное родство с марксизмом. Показано, как критическая установка и радикальный негативизм первого поколения Франкфуртской школы во втором поколении постепенно принял форму признания отсутствия альтернативы либеральной демократии и капиталистической экономике. В сочетании с окончательно оформившимся ещё в 1950-х гг. отторжением советского марксизма и СССР как формы плохо замаскированного тоталитаризма, фетишизированной власти и отказавшегося от свободы и разума ради господства и эффективной эксплуатации, политический конформизм сотрудников Института социальных исследований во Франкфурте-на-Майне привёл к их фактическому разрыву с марксизмом. Произошёл отказ как от основных сюжетов и подходов к их интерпретации — экономические отношения, классовая борьба, диалектический материализм и т.д., — так и от самого марксистского языка: второе поколение Франкфуртской школы не пользуется марксистской терминологией и покидает марксистский дискурс. Критическая установка из универсальной метафизической, какой она была у Адорно, перерождается в морально-эпистемологическую: она обретает предметные ограничения и означает не чистую негативность, а нечто противоположное — рефлексивную готовность оказаться неправым, готовность обнаружить ошибку. У Ю. Хабермаса и А. Хоннета критическая установка сближается с критическим рационализмом К. Поппера и из революционной превращается в конформационную — теперь это инструмент созидания общественного согласия и улучшения, а не разрушения социального порядка. Тем самым метод побеждает истину, объявляя её невозможной, а в итоге превращаясь в бесконечное неразрешимое обещание приближения к недостижимой истине, которой не может быть, но которую можно воображать. Никуда не ведущая теоретическая («критическая») работа в конечном счёте идёт на пользу наличному порядку — в полном соответствии с идеями Маркузе об одномерном обществе, но диаметрально противоположной у второго поколения Франкфуртской школы модальностью: теперь это повод не для ужаса, а для оптимизма.

Ключевые слова: методология, марксизм, отчуждение, Франкфуртская школа, критическая теория.

JEL: A12, A13, B24, B51

УДК: 330.86

DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2023_3_49_61

© Т.А. Вархотов, 2023

© ФГБУН Институт экономики РАН «Вопросы теоретической экономики», 2023

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: *Вархотов Т.А.* Метод против истины (Часть 2: Схизма с советским марксизмом и трансформация дискурса Франкфуртской школы) // Вопросы теоретической экономики. 2023. №3. С. 49–61. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2023_3_49_61.

FOR CITATION: *Varkhotov T.A.* Method versus truth (Part 2. The Schism with Soviet Marxism and Transformation of Frankfurt School's Discourse) // Voprosy teoreticheskoy ekonomiki. 2023. No. 3. Pp. 49–61. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2023_3_49_61.

Вопреки оптимизму марксистов XX в. (особенно 1960-х годов), мы утверждаем, что энергия развития не приведёт к подъёму рабочего класса или же уничтожению системы господства, определяющей основные черты современного мира, а потому её результатом не станет неизбежный социализм (сегодня это известно каждому). ...Из истории марксизма можно и должно вывести в конечном счёте ещё и то, что за превращение ранее казавшегося невозможным в новую возможность приходится платить высокую цену — не только терпеть насилие и заставлять страдать миллионы людей, ставших жертвами неопикуемой несправедливости, но и производить новые структурные невозможности или же попросту замещать предшествующие невозможности другими. Таким образом, то, что казалось практическим преобразованием, с этой точки зрения доказывает, что именно эти невозможности следует оставить в покое, поскольку в противном случае нас ждёт неминуемая катастрофа.

С. Жижек, Ф. Руда, А. Хамза. Читать Маркса

Москва/Франкфурт/Нью-Йорк: линии дивергенции в биполярном мире

Хотя Институт социальных исследований во Франкфурте-на-Майне создавался как территория академической свободы и независимых критических исследований, — обеспечить которые должны были частные спонсорские средства созданного зерновым магнатом Г. Вайлем фонда целевого финансирования Института, — в годы вынужденной эмиграции и особенно в её американский период представителям Франкфуртской школы пришлось немало времени уделить работе непосредственно на систему государственной власти и военные ведомства. Эта работа весьма существенно отразилась на Франкфуртской школе в целом и на отношениях её лидеров с СССР и советским марксизмом в частности.

М. Хоркхаймер и Т. Адорно до своего возвращения в Германию в 1949 г. сотрудничали с Еврейским комитетом — эта организация играла одну из ведущих ролей в формировании послевоенной системы международного права: «Евреи сыграли заметную роль в этих послевоенных дискуссиях и развитии различных правозащитных механизмов. Евреи, часто имеющие европейское происхождение и мотивированные не только Холокостом, но и своей давней приверженностью либерализму, внесли плодотворный вклад в зарождающееся видение космополитического порядка. Рене Кассен, французский еврей с выдающимся юридическим образованием, впоследствии ставший президентом Всемирного Еврейского союза, работал вместе с Элеонорой Рузвельт и ливанцем Чарльзом Маликом над Всеобщей декларацией прав человека [принята ООН в 1948 г.]. Херш Лаутерпахт, немецкий еврейский беженец, преподававший международное право в Колумбийском университете, написал Международный билль о правах человека, который стал центральным текстом в дебатах. Ральф Лемкин, польский еврейский беженец, стоял за Конвенцией о геноциде» [Barnett, 2016. P. 123]. Именно в период активной разработки будущих ключевых документов системы международного права М. Хоркхаймер и Т. Адорно работали в Колумбийском университете, где создавался билль о правах человека.

Т. Адорно вместе с группой психологов из Калифорнийского университета в Беркли разработал предназначенный для обследования американских граждан тест на склонность

личности к фашизму¹. Во введении к исследованию авторы закладывали выдающуюся основу для социальной стигматизации будущих испытуемых, «концентрируясь на потенциальных фашистах»: «В центре интересов исследователей был потенциально фашистский индивид — индивид, чья структура делает его особо восприимчивым к антидемократической пропаганде. ...Нетрудно обнаружить лиц, воззрения которых позволяли предположить, что они охотно приняли бы фашизм, если б ему удалось превратиться в достаточно сильное и уважаемое движение» [Адорно и др., 2001. С. 15]. Отметим, что «потенциальными фашистами» Адорно и коллеги де факто назвали всех «антидемократов», — само собой разумеется, в это множество попадали и воплощающие модель «авторитарной личности» «советские» люди.

Г. Маркузе официально работал на американскую разведку с 1942 по 1951 гг. «Ещё в 1942 г. Управление стратегических служб США (УСС) привлекло к подготовке мер по денацификации немецких учёных, вынужденных эмигрировать из Третьего рейха после прихода нацистов к власти. В Центрально-европейской секции УСС, в частности, работали выходцы из знаменитой Франкфуртской школы: политолог, социолог и юрист Франц Нойманн, автор опубликованного в 1942 г. фундаментального исследования о Третьем рейхе “Бегемот: структура и практика национал-социализма”, политолог Отто Кирххаймер и философ Герберт Маркузе. Именно эти немецкие интеллектуалы-эмигранты создали широкомасштабную программу демократизации Германии. В частности, группа Нойманна-Маркузе составила скрупулёзные “чёрные списки” активных нацистов, которых предстояло отстранить от руководящих постов после капитуляции нацистского рейха, а также “белые” списки возможных замен, включавших тех лиц, чей “характер, профессиональная репутация, опыт и политическая надёжность делали их особенно подходящими для замещения ответственных должностей”. Кроме того, были подготовлены списки из 220–250 тысяч должностей, обладатели которых подлежали автоматическому аресту и последующему интернированию в целях обеспечения общественной безопасности» [Лёзина, 2018. С. 193].

После официального ухода со службы в разведке Маркузе тесно сотрудничал с ангажированными «русскими» центрами: руководимым З. Бжезинским Русским институтом при Колумбийском университете (1951–1952 гг.), фондом Рокфеллера, Русским институтом Гарвардского университета (1952–1953 гг.). Итогом этой работы стала вышедшая в 1958 г. книга «Советский марксизм» [Marcuse, 1958]².

Книга включает два раздела — политические догмы и этические догмы. В центре анализа оказывается специфика советского политического тоталитарного режима и поддерживающей его идеологии. Основная идея состоит в том, что в части используемых механизмов подавления советская и западная модели очень близки: «Обе системы демонстрируют общие черты поздней индустриальной цивилизации: централизация и регламентация заменяют индивидуальное предпринимательство и автономию; конкуренция организована и “рационализирована”; экономическая и политическая бюрократия срастаются и действуют совместно; народ координируется через средства массовой информации, индустрию развлечений, систему образования» [Ibid. P. 81]. Однако, в отличие от западной системы, советская, с одной стороны, не имеет исторического опыта свободной конкуренции и развития либеральных ценностей, а с другой — идёт гораздо дальше западной в части идеологизации общественной жизни и подавления личности. «Советская система кажется еще одним примером того, как опоздавший “пропускает” несколько стадий развития после длительного периода затяжной отсталости, присоединяется к общей тенденции позднеиндустриального общества и безжалостно опережает её. Пропущенные этапы — это

¹ Так называемая F-scale — можно заполнить и узнать свой результат — вот здесь: [The F-Scale. Anesi.com. https://www.anesi.com/fscale.htm](https://www.anesi.com/fscale.htm) (access date: 25.01.2023).

² По непонятным причинам этой книги нет на официальных ресурсах, связанных с Маркузе, в том числе на его официальной странице: [Chronological Index of Marcuse's Publications. Herbert Marcuse Official Homepage. https://www.marcuse.org/herbert/publications/index-date.html](https://www.marcuse.org/herbert/publications/index-date.html) (access date: 25.01.2023).

этапы просвещённого абсолютизма и либерализма, свободного конкурентного предпринимательства, зрелой культуры среднего класса с его индивидуалистической и гуманитарной идеологиями. Попытка в рекордные сроки из состояния отсталости догнать уровень развитых индустриальных стран привела к созданию и использованию огромного производственного аппарата в рамках системы господства и регламентации, несовместимой с индивидуалистической рациональностью и либерализмом. В этом — корни беспощадной борьбы советского марксизма против либеральных и идеалистических элементов “буржуазных идеологий”; борьба отражает общественную организацию производительных сил как инструментов контроля, а не освобождения» [Ibid. P. 83].

Далее Маркузе развивает этическую критику советской системы, показывая, что борьба с индивидуализмом и отождествление «морального» с «общественными интересами» и «политический пуританизм» разрушают личность и лишают систему будущего [Ibid. P. 266]. «В западной традиции интроспекция этических ценностей происходила в “индивидууме” и вместе с “индивидуумом”: его освобождение от старых традиционных экономических, политических и идеологических связей было предпосылкой эффективности процесса. Отделение человека от государства, общества, обычаев и традиций, его антагонистическое отношение к ним, а также к новым силам и институтам должны были стать предпосылкой его моральной автономии, спонтанной внутренней выработки и воспроизводства этических ценностей. Только на таком основании интроспекция может стать подлинной интернализацией, то есть требованиями собственного сознания и веры индивида. Тем самым значительно усиливается их достоверность» [Ibid. P. 262].

В целом в основе развиваемой Маркузе критики СССР лежит всё тот же сквозной для всей истории Франкфуртской школы тезис об историческом поражении движения рабочего класса и проекта мировой революции: «Неспособность пролетариата действовать как революционный класс и поражение пролетарской революции допускаются марксистской теорией; как таковые, они не составляют событий, опровергающих теорию. В марксистской теории они обычно объясняются объективной и субъективной “незрелостью” и рассматриваются как временный регресс, после которого революционный процесс возобновится с последующим ростом классового сознания организованного пролетариата. Но дело обстоит совсем иначе, если, с побеждённой революцией или без неё, развитие зрелого капитализма обнаруживает долгосрочную тенденцию к классовому сотрудничеству, а не к классовой борьбе, к национальному и интернациональному разделению, а не к солидарности пролетариата в передовых индустриальных странах. В марксистской теории капитал и (наёмный) труд определяют друг друга, или, точнее, рост революционного пролетариата в конечном счёте определяет необратимое направление капиталистического развития. Следовательно, если со стороны пролетариата направление изменяется, капиталистическое развитие достигает новой стадии, к которой уже неприменимы традиционные марксистские категории» [Ibid. P. 18].

Из предыдущей цитаты вырастает весь предлагаемый Маркузе анализ сперва ленинизма, а затем сталинизма, которых Маркузе упрекает в последовательном нежелании признать очевидное (см. предыдущий абзац), вынужденном уходе от марксистской ортодоксии (партия как носитель подлинного классового сознания «несознательного» пролетариата; сосуществование социалистической и капиталистической систем вместо исторической последовательности; сохранение антагонистических отношений вместо всеобщего равенства; национализация и госкапитализм вместо обобществления и коммунизма и т.д.) и вырождении советского марксизма в квазирелигиозную политическую доктрину, служащую не освобождению, а тоталитарному контролю: «Так как в действительности индивидуальный интерес ещё антагонистичен интересу целого, так как национализация не есть обобществление, то рациональность советского реализма предстаёт как в высшей степени иррациональная, как ужасающая конформность» [Ibid. P. 86].

С некоторыми вариациями (и с непосредственной опорой на неоднократно цитируемую им работу Маркузе) эти же идеи в своей книге об СССР повторит Э. Фромм: «Главное отличие между “социализмом” и “капитализмом” заключается не в национализации средств производства (отмене частной собственности). Это всего лишь технический инструмент, позволяющий добиться более эффективного производства и планирования. Советская система — это эффективная, полностью централизованная система, которой управляет промышленная, политическая и военная бюрократия; это результат завершённой “управленческой”, а не социалистической революции. Советская система не противопоставляет капиталистической системе, она, скорее, является образом того, во что превратится капитализм, если мы не вернёмся к западным принципам гуманизма и индивидуализма» [Фромм, 2021. С. 84].

Разумеется, если, как утверждал Фромм, «согласно концепции Маркса, главные цели человека — *независимость и свобода*» [Там же. С. 74], глубокое разочарование Франкфуртской школы в СССР и переход части её представителей на радикально анти-советские позиции выглядят довольно естественными. Дальше всех на этом пути зашёл К. Виттфогель, объявивший СССР «бюрократическим деспотизмом» и защищавший в знаменитой работе «Восточный деспотизм. Сравнительное изучение тотальной власти» (1957 г.) концепцию, согласно которой СССР был воплощением не получившего должного теоретического описания у Маркса «азиатского способа производства», в условиях которого «агроуправленческая бюрократия составляет правящий класс» [Vittfogel, 1967. P. 6]. В таком обществе, которое в Россию принесла Золотая Орда, в свою очередь позаимствовавшая социально-управленческие практики у «гидравлической» цивилизации Китая, государственная собственность порождает «триаду тотального террора, тотального подчинения и тотального одиночества» [Нуреев, Ореховский, 2021. С. 12]³. Неприятие Советского Союза и коммунистических идей у Виттфогеля достигло такого накала, что он принял участие в маккартистской антикоммунистической кампании и в 1951 г. дал показания подкомитету по внутренней безопасности сенатского судебного комитета сенатора П. Маккаррана [Jay, 1996. P. 139].

Глубокое разочарование в Советском Союзе и враждебное отношение к советской идеологии органично совпало с постепенным исчезновением марксистского языка из дискурса Франкфуртской школы, — чтобы её представителей не спутали с «коммунистами» сперва приютившие Институт американцы, а затем и власти ФРГ [Джеффрис, 2018. С. 78], а также в силу растущей дистанции интересов и взглядов лидеров Института от собственных марксистских корней. Симптоматично, «что то, что до 1933 года было известно как Café Marx, в 1951-м получило название Café Max — в честь Хоркхаймера. Маркс — философ, чье имя Институт предусмотрительно вычищал из своих работ времён американской ссылки, чтобы не оскорбить принимающую сторону, — был снова вытеснен на второй план в новой европейской реинкарнации Института» [Там же. С. 287].

Советские философы, со своей стороны, нисколько не были введены в заблуждение франкфуртским антифашизмом и столь же яростной критикой капитализма, какой была и критика СССР. Для них, начиная уже с «Диалектики Просвещения», уход лидеров Института от марксистского исторического материализма и метафизическая психологизация оснований кризисных явлений в современном обществе были сколь очевидными, столь и неприемлемыми: «и антисемитизм, и “культ фюрера” получают прежде всего психологическое объяснение; они, правда, выводятся из внутренних противоречий буржу-

³ Фундаментальная работа К. Виттфогеля получила разгромные и слегка озадаченные масштабом несогласия рецензентов с автором отзывы. В частности, А. Тойнби выразил «обеспокоенное подозрение», что «книга является политической, а не научной» [Toynbee, 1958. P. 196], а Дж. Нидэм написал, что «книга представляет собой величайшую медвежью услугу, когда-либо оказанную объективному изучению истории Китая» [Needham, 1959. P. 59] и «профессор Виттфогель утратил всякий контакт с реальностью» [Ibid. P. 61].

азной культуры, но из противоречий чисто духовного свойства. Классовая основа этих надстроечных явлений, социально-экономический базис при этом фактически игнорируются. «Критическая теория» выступает в роли критика не капитализма, а буржуазного просвещения, культуры и идеологии вообще» [Фогелер, 1975. С. 23]. И вариант попроче: «Полное игнорирование природных процессов, лежащих в основе человеческой деятельности, сопровождается во фрейд-марксизме отсутствием адекватного анализа её специфики. Отрицая важнейшие характерные черты предметной деятельности человека, в частности её специфику как общественного труда, фрейд-марксизм ставит на их место ложную как в естественнонаучном, так и в социально-историческом плане концепцию влечения» [Браун, 1982. С. 218].

В этом заочном конфликте обе стороны видели друг в друге предателей. Для Института социальных исследований СССР воплощал торжество авторитарного сознания и тоталитаризма, со злой иронией замаскированного под цитадель свободы и столь же далекого от подлинного марксизма, сколь активно развивающего давно утративший связь с советской реальностью марксистский дискурс. Для советских марксистов Франкфуртская школа воплощала худшую форму ревизионизма, под видом борьбы за подлинный марксизм и «левые» ценности обслуживающего идеологию капитализма и подменяющего социальную правду и политическую борьбу психологизированной и абстрактной (т.е. «буржуазной») метафизикой. Ситуация усугублялась разницей в социально-политической диспозиции: советские философы были частью социалистического государства и в этом качестве не только мыслили, но и действовали — в том числе в форме дискуссий о марксизме, «романтических» проектов критики и развития советского общества и т.д.⁴; лидеры Франкфуртской школы, напротив, всё дальше уходили от социально-политического процесса и всё более последовательно занимали абстрактно-критическую, теоретическую позицию⁵. Схизма стала непреодолимой.

Диалектика конформизма

В 1974 г. в журнале *Telos*⁶ вышла статья Ж.-Ф. Лиотара с характерным названием «Адорно как дьявол» [Lyotard, 1974]. В ней Лиотар с характерным для философии французского постмодернизма обилием метафор интерпретирует негативную диалектику Адорно как ностальгию по утраченному Богу, находящую выражение в переходе «от стыдливого нигилизма к демонстративному нигилизму» [Ibid. P. 133]. Разочарование в тотальности

⁴ Несмотря на стереотипное представление об идеологической монолитности интеллектуальной культуры СССР, в действительности она была весьма разнообразна и включала острые дискуссии по критическим с точки зрения марксистско-ленинской ортодоксии вопросам. Однако ввиду наличия у советских исследователей, с одной стороны, идеологических задач, а с другой стороны, «советской действительности», для них, в отличие от западного марксизма в целом и Франкфуртской школы в особенности, марксизм не был и не мог быть просто частью исторической библиотеки, и их изыскания в этой области всегда имели в виду не только марксистский метод, но и конкретно-исторический предмет, и конкретно-политический контекст (см., например [Ореховский, Вархотов, Кошовец, Нуреев, Ермолов, 2022]).

⁵ Ярче всего это проявилось в 1968 г., когда лидеры Франкфуртской школы не только не поддержали революционные выступления студентов, но были распознаны ими в качестве пособников якобы критикуемого ими капиталистического режима. Распространённая студентами листовка гласила: «Критическая теория преподаётся в настолько авторитарной манере, что её подход к социологии не оставляет места студентам для организации собственных исследований. Мы сыты по горло учёбой во Франкфурте и не желаем, чтобы нас превратили в сомнительных политических левых, которые по окончании обучения будут играть роль интегрированных союзников авторитарного государства» (цит. по: [Джеффрис, 2018. С. 367–368]). А в январе 1969 г. Т. Адорно и Ю. Хабермас даже вызвали полицию, чтобы выдворить протестующих студентов из занятой ими аудитории.

⁶ Американский академический журнал, созданный в 1968 г. для продвижения идей «Новых левых», прежде всего западного марксизма и критической теории Франкфуртской школы.

и приверженность отрицанию на теологическом языке есть утрата Бога и обращение к демоническому: «Тотальность отсутствует = нет примиряющего Бога = всё примирение может быть представлено только в его невозможности, пародировано = это сатанинская работа» [Ibid. P. 132]. Когда в конкретно-историческом анализе диалектика дала сбой, «сломалась», — пролетариат поддерживает тоталитаризм, «когда Бог замолчал, красный бог больше не говорит, культура не более, чем остаток культа, какое место может Адорно назначить себе, если не дьявола? /.../ Когда Творение безумствует, именно дьявол рискует быть правым» [Ibid. Pp. 136–137].

Используя метафору дьявола, Лиотар вскрывает важную черту философии Адорно — специфический нарциссизм, выражающийся, с одной стороны, в удовольствии от разрушения, обожествлении негативности как чистого воплощения мысли, которая не может не быть критической, а с другой стороны, проявляющийся в сохранении для себя привилегированной позиции: «негативная диалектика» не могла стать объектом отрицания, равно как и «критическая теория» выводится из-под критики. Дьявол отрицает Бога, но хочет быть им. Это удивительным образом перекликается с концепцией «авторитарной личности», обнаруживая в позиции лидеров Франкфуртской школы яркие признаки того, с чем они непримиримо сражались в своих сочинениях, — стремление захватить авторитет и отказать «неправильному мнению» в праве на существование⁷.

Этот «дьявольский» аспект простирался гораздо дальше негативной диалектики и философии искусства Адорно, — он пронизывал все творчество и социальную жизнь лидеров Франкфуртской школы, постепенно конвертировавших свое социально-политическое и теоретическое сиротство в специфическую форму респектабельного снобизма, в который эволюционировала критическая теория. В обществе, где торжествует «одномерность» — товарный фетишизм и отказ от критической рефлексии в пользу захваченного потреблением безграничного принципа удовольствия, — в таком обществе в конечном счете плохо *всё*. Конечно, тоталитарные враги западного мира ещё хуже, чем он, но это выбор из плохого и ужасного. Разумеется, окончательно не уничтоженные прогрессистской культурой Просвещения и научно-технического прогресса ростки свободной мысли и гуманизма кое-где пробиваются, но система быстро утилизирует их для воспроизводства собственной одномерности. Здесь нет ничего ценного, кроме пока ещё сохраняющейся у разума возможности вырваться из плоского одномерного мира потребления с помощью актов чистой бескомпромиссной деструктивной критики. Любая *конструктивная* критика, т.е. имплицитная политическая позиция («за» что-то) означала соучастие в одномерности, поскольку любое «за» неизбежно работает на воспроизводство существующей системы.

Напрасно коллеги по интеллектуальному цеху пытались «приземлить» критическую теорию с помощью простого вопроса «неужели в новейшей истории общества не произошло ничего хорошего?» [Hook, 1988. Pp. 594–595] или ироничных намеков на наивные перформативные ошибки: как подметил А. Макинтайр, теория одномерного общества Маркузе была бы верной, если бы книгу о ней никто не прочёл, и сам факт возможности

⁷ Один из самых ярких примеров такой нетерпимости — происшедшая около 1965 г. дискуссия Г. Маркузе с С. Хуком о развитии американской демократии. Как рассказывает об этом Хук «я поднялся и задал ему простой вопрос: “Что вы бы предпочли, ситуацию, в которой негры не имели свободы голосовать или ту, в которой они имели свободу голосовать, но сделали неверный выбор?” Ответ Маркузе удивил аудиторию — и впоследствии, возможно, самого Маркузе: “Поскольку я уже зашел достаточно далеко, я могу идти до конца. Я бы предпочел, чтобы у них не было свободы голоса, если они собираются неправильно использовать свою свободу”» [Hook, 1988. P.595]. Не менее показательна и послевоенная травля М. Хайдеггера, в которой Ю. Хабермас проявил существенно большую изощрённость, чем того требовала дань духу времени — бывший участник гитлерюгенда с достойной своего собственного прошлого бескомпромиссностью требовал от отошедшего от дел и уже неоднократно официально и неофициально раскаявшегося пожилого профессора признания в неизжитых симпатиях к фашизму и публичного самобичевания [Джеффрис, 2018. С. 283–285].

говорить об этой одномерности свидетельствует о несколько большем числе измерений и сохранении обществом способности критического восприятия [MacIntyre, 1970. P. 62]. Эта критика пролетала мимо цели, а те, кому она предназначалась, последовательно спасались от активно критикуемой ими реальной жизни в глубине академических кресел⁸.

Однако тотальный скепсис в отношении социальной действительности и её обоснования вполне совместим с фактической работой на благо этой действительности. Радикальная критическая позиция оказывалась вполне совместимой с социально-политическим конформизмом для тех, кто борется «против всего», единственным нуждающимся в защите предметом является право на эту, неизбежно весьма абстрактную, борьбу. Как прекрасно показал в «Одномерном человеке» сам Г. Маркузе, власть любит критиков, не располагающих реальной альтернативой, ведь такие критики лишь добавляют легитимности существующему порядку. Не будь сотрудники Института социальных исследований столь одержимы своей, исходно вполне политической и питавшейся в том числе личными мотивами борьбой, они заметили бы собственное движение в направлении того, что сами назвали «авторитарной личностью», ещё в начале 1940-х, когда включились в работу на систему пропаганды и разведку США (см. выше). К концу жизненного пути первого поколения Франкфуртской школы этот скрытый за теоретическим радикализмом политический конформизм принял общедоступную наблюдаемую форму — в 1969 г. один из разочарованных студентов Адорно написал на доске «Не тронь Адорно никогда — капитализм будет всегда» (цит. по: [Джеффрис, 2018. С. 370]).

Во втором поколении Института социальных исследований удивительная эволюция франкфуртских марксистов завершается переходом конформизма из пассивной в активную форму — Франкфуртская школа сближается с Социал-демократической партией Германии (СДПГ): «Представители нового поколения Франкфуртской школы к началу 70-х годов стали играть также роль идеологов определённых кругов СДПГ: Хабермас в 1971 г. покинул Институт социальных исследований, чтобы возглавить вновь созданный Институт исследований условий жизни научно-технического мира и в своих последних теоретических трудах разрабатывал такую “теорию коммуникативной компетентности”, которая прямо примыкает к новейшей правительственной практике СДПГ в области манипуляции общественным мнением ФРГ. Другие представители Франкфуртской школы (например, франкфуртский социолог Людвиг фон Фридебург [позднее ставший директором Института социальных исследований и остававшийся им до 2001 г. — Т.В.] и др.) стали министрами по делам науки и образования в руководимых СДПГ земельных правительствах ФРГ. Правое крыло младшего поколения Франкфуртской школы перешло, таким образом, к началу 70-х годов на позиции активной поддержки и теоретико-философского обоснования внутренней политики и социально-политической доктрины СДПГ» [Фогелер, 1975. С. 29].

Хотя процитированная выше оценка принадлежит советскому марксисту, писавшему в период постепенного допуска сюжета о Франкфуртской школе в русскоязычное (советское) пространство⁹, однако она вполне подтверждается современными западными исследователями, которых трудно заподозрить в симпатиях к давно покинувшей актуальную политическую повестку советской идеологии. «Хабермас оставил в стороне системное противоречие, которое анализировала марксистская теория, сперва заменив его различие-

⁸ В начале 1960-х гг. будущая знаменитая активистка и политический деятель А. Дэвис (род. в 1944 г.) была студенткой Г. Маркузе в США, а затем Т. Адорно в Германии. Когда в 1966-м г. после основания движения «Чёрных Пантер» она решила вернуться из Европы в США для активной политической борьбы, Т. Адорно сказал, что её «желание непосредственно присоединиться к радикальным движениям сродни желанию медиатеоретика пойти работать радиотехником» (цит. по: [Джеффрис, 2018. С. 341]).

⁹ Работы лидеров первого поколения Франкфуртской школы публикуются по-русски с 1970-х гг. [Маркузе, 1970; Адорно, 1973; Фромм, 1981]; несколько ранее (примерно с 1968 г.) появляются обзорные критические работы по Франкфуртской школе, — первоначально, преимущественно переводные, написанные немецкими марксистами.

нием между разными видами действия и интересами знания, а затем конфликтом между социальной системой и “жизненным миром”, — пишет Й. Терборн. — Критическая защита современности оставалась центральным элементом этой практики. /.../ Хабермас порвал не только с критикой политической экономии, но и с дискурсом своих предшественников» [Терборн, 2021. С. 124–125].

Действительно, марксистский дискурс, столь характерный для первого поколения Франкфуртской школы, во втором поколении постепенно исчез, растеряв в равной мере, и лексику, и сюжеты. Капиталистическая экономика и либеральная демократия постепенно заняли место исторически безальтернативных институциональных решений для экономики и политики, а с ними на место марксистско-гегельянской лексики пришла более умеренная кантианская в сочетании с языком современной англо-американской традиции, — прежде всего прагматизма и аналитической философии. Как довольно точно выразилась редакция газеты «Frankfurter Rundschau», опубликовавшей в апреле 2020 г. интервью с Ю. Хабермасом, «эпоху составило дискурсивно-теоретическое развитие Хабермасом марксистской критической теории, которое перетекло во взыскательное обоснование демократического правового государства» (цит. по: [Мотрошилова, 2020. С. 298]).

Симптоматично отсутствие упоминаний Хабермаса (но не представителей первого поколения Франкфуртской школы!) в работах, посвящённых развитию марксистской мысли, — причём не только в современных, но и в написанных еще на рубеже 1970–1980 гг. (см., например, [Мерифилд, 2020; Гэн, 2019; Сяньда, 2019; Андерсон, 2016]¹⁰). И ещё более симптоматично, что в посвящённой «попытке актуализации» «устаревшего» (эта оценка многократно повторяется в работе) концепта социализма книге А. Хоннета [Хоннет, 2022] — который занимал должность директора Института социальных исследований в 2001–2018 гг. — марксистский дискурс отсутствует полностью¹¹. При этом «социализм болен неспособностью самостоятельно, при помощи своих собственных концептуальных средств найти подходы к идее политической демократии» [Там же. С. 115], а обновленный социализм оказывается, по сути, мечтой о преодолевшей исторические институциональные ограничения либеральной демократии: «В обществе устроенного на либерально-демократических началах капитализма он представляет историческую тенденцию постепенного преодоления социальных зависимостей и эксклюзии, всегда и повсюду настаивая, что при данных условиях реализация обещанной гармонии свободы, равенства и солидарности ещё совершенно невозможна» [Там же. С. 155].

Амбивалентное и двусмысленное до иррациональности отношение к капитализму и либеральной демократии у первого поколения Франкфуртской школы — которое сражалось с постпросвещенческой западной цивилизацией, но не видело ей альтернативы и сражалось за неё против казавшихся им еще более скверными моделей общественного устройства, — сменилось осознанным и последовательным конформизмом в следующем поколении. Если «западной модели» нет исторической альтернативы, — а для поколения Хабермаса и, тем более, Хоннета это очевидно, — то её нужно не разрушать, а улучшать, постепенно совершенствовать, опираясь на критическую рефлексию и идеал консенсуса как своего рода политический аналог столь же недостижимого, но и столь же значимого как регулятивный принцип рыночного равновесия.

¹⁰ Один из главных идеологов «новых левых» П. Андерсон в изданных под заголовком «На путях исторического материализма» в 1983 г. лекциях признаёт, что «отсутствие какого-либо упоминания о Хабермаса в «Размышлениях о западном марксизме» было ошибкой» [Андерсон, 2016. С. 269], однако далее сам же ясно демонстрирует идейное родство Хабермаса с французским постструктурализмом и философией языка и определяет его теоретическую позицию как «пограничную между марксизмом и немарксизмом» [Андерсон, 2016. С. 271].

¹¹ Например, термин «отчуждение» встречается в работе один раз, а термин «диалектика» не используется вообще.

Для Адорно — самого радикального и последовательного сторонника ничем не ограниченного критического метода, — воплощением критической работы разума выступала негативность как таковая, абсолютное отрицание. Такая позиция противопоставляет предмет и метод, поскольку метод содержит безусловное требование распрямления любого предмета, признания его иллюзией, фетишизированной частичностью. Критическое мышление тем самым замыкается на себя и превращается в самоцель, не имеющую созидательных перспектив. Неслучайно Я. Гэн дает позиции Адорно резко отрицательную оценку: «неверное толкование, или даже извращение марксовых постулатов» [Гэн, 2019. С. 141]. Чистую негативность мышления можно защищать в кабинете, но в социальной практике она порождает эскапизм и беспомощность, поскольку не содержит никакой созидательной установки — это неоднократно проявилось в политической жизни лидеров первого поколения Франкфуртской школы.

Однако у следующего поколения франкфуртцев критическая установка из универсальной метафизической, какой она была заявлена у Адорно, превращается в морально-эпистемологическую: она обретает предметные ограничения и специфическую территорию. Теперь она означает не чистую негативность, а нечто противоположное — рефлексивность, рациональность, под которой понимается, по сути, смиренная готовность обнаружить ошибку, признание принципиального несовершенства конечных, готовых форм знания. Здесь позиция Хабермаса сближается с критическим рационализмом К. Поппера: «Самопонимание философии должно стать фаллибилистским, она должна также принять процедурную рациональность опытных наук» [Кимелев, 2021. С. 193]¹².

Тем самым все исходные объекты критики Франкфуртской школы — капитализм, либеральная демократия и технократическая наука — превращаются в объекты апологии, своего рода поступательного усовершенствования на основе критики и рационального согласия. «Задачей Хоннета была не революция, а улучшение капитализма и демократии до той точки, в которой мы как человеческие субъекты сможем получить полноценное признание. Один из его предшественников по Франкфуртской школе, Адорно, мог бы, по крайней мере, возразить: в ложной системе не может быть ничего истинного, и система эта тотально овеществлена. Но Адорно умер в 1969 г., и Франкфуртская школа под руководством Хабермаса, а затем Хоннета полностью посвятила себя не революции, а улучшению условий при капитализме и либеральной демократии» [Джеффрис, 2018. С. 412].

Вместо заключения: марксизм на паузе

Ю. Хабермасу приписывается ироничная и меткая характеристика герменевтической программы Х.-Г. Гадамера из знаменитой работы «Истина и метод», — «истина без метода»: позиция Гадамера противопоставляла герменевтику критическому мышлению [Лаврухин, 2020]. Франкфуртская школа пошла противоположным путём, противопоставив метод истине и придя к ситуации торжествующей констатации несовершенства всего, чем мы располагаем или способны располагать.

В подобной ситуации синица и журавль из известной пословицы легко меняются местами: если «синицы в руках» всё равно нет (точнее, она по определению «недостаточно синица»), то «журавль в небе» вполне может претендовать на предпочтение. Тотальное превосходство метода над предметом приводит или к снобистскому интеллектуальному одиночеству и противопоставлению свободы наличному бытию, как это произошло у пер-

¹² Показательно, что в 1960-х гг. Ю. Хабермас был одним из ключевых участников так называемого «спора о позитивизме», затеянного Т. Адорно в ходе дискуссии с К. Поппером, которого франкфуртцы тогда обвиняли в «позитивизме». В то время Хабермас выступал единым фронтом с Адорно и упрекал «позитивистов» (критических рационалистов) в фетишизации научных методов и эмпирических фактов [Adorno, Albert, Dahrendorf, Habermas, Pilot, Popper, 1976].

вого поколения Франкфуртской школы, или к неявному признанию инструментального характера метода, который из деструктивной онтологии возвращается на вроде бы отброшенную им территорию — в сферу улучшения наличного.

Уже у Маркузе утопия и антиутопия оказываются методологически более реальными, чем пронизанная обманом наличная действительность [Баталов и др., 1970. С. 131–132]. Справедливое устройство общества не может реализоваться в наличном — этому мешает слишком много обстоятельств, в каком-то смысле составляющих саму материю современного социального мира. А. Хоннет в этой связи разочарованно констатирует «господство фетишизирующего понимания общественных отношений», т.е. уверенность людей в том, что «законы общественного развития» имеют объективный характер и не зависят от их воли и участия» [Хоннет, 2022. С. 22–23]. А современный западный марксист Э. Мерифилд высказывается еще конкретнее: «Одно из главных препятствий, стоящих на пути свободной реализации наших жизненных сил, — это *общество* (курсив мой — Т.В.), которое не только создаёт бессмысленную работу, но и организует эту работу посредством в высшей степени детализированного и фрагментированного разделения труда» [Мерифилд, 2019. С. 211]. В подобной ситуации быть марксистом и критиком современного общества, — значит мечтать о лучшем, и Мерифилд превращает Маркса в великого мага, а марксизм — в стратегию торжества воображения [Мерифилд, 2019].

Показательно, что Мерифилд, беспощадный в критике выродившихся, по его мнению, «новых левых»¹³, при характеристике симпатичных ему теоретиков (И. Илич и др.), сам того не замечая, рисует в точности ту же картину «лишь теоретического» марксизма, в котором «дискуссия» остаётся единственным методом: «Для этих людей *теоретические споры означают в конечном счёте практическое экспериментирование* (курсив мой — Т.В.), выработку альтернативной социальности в рамках доминирующего общества... не ждут пассивно, когда произойдет Большой Взрыв Революции; они создают его в постоянном процессе экспериментирования и усовершенствования» [Мерифилд, 2019. С. 208]. «Теоретические споры означают...» — именно в этих спорах и реализуется «экспериментирование» и «усовершенствование», которые носят умственный, абстрактный характер. Это в лучшем случае *мысленные эксперименты* и *теоретические усовершенствования*. Негативная диалектика оказалась прирученной, получив в свое распоряжение воображаемое будущее (ср. марксизм как футурологию у Я. Гэна [Гэн, 2019]).

Метод победил истину, запретив её и объявив все усилия, направленные в её сторону, работой воображения. Такая постановка вопроса исключает возможность практики, поскольку наличное несовершенно по определению, а инструментом совершенствования является будущее (воображаемое) — т.е. то, чего нет. Остаётся лишь бесконечная территория безопасной критической рефлексии, производящей — там, в будущем, в утопии воображаемого, — модели лучшего политического, экономического и социально-повседневного (личное пространство — третья сфера по Хабермасу и Хоннету) устройства. Как говорил герой Вольтера, всё, что ни делается, к лучшему в этом лучшем из возможных миров, — ужасавшая Маркузе всеядность социальной системы, способной всё, включая протест, превратить в ресурс собственного воспроизводства, из пугающей отрицательной характеристики превратилась в условие роста: пусть вся рефлексивная критика помогает существующей системе становиться лучше.

В своей работе о советском марксизме Маркузе иронично замечал, что советские теоретики «поставили на паузу» западный пролетариат, до тех пор, пока он не достигнет

¹³ Имеется в виду, в частности, авторитетный журнал *New Left Review*, современные публикации которого Мерифилд характеризует как «упоение беспристрастной критической негативностью», которая «являет собой худшую сторону марксизма, робкую и ничемную разносторонность, без будущего, без надежды, без надежды пробудить надежду, без отличительных качеств, которые можно было бы передать кому-то» [Мерифилд, 2019. С. 205–206].

точки реактивации в качестве революционной силы [Marcuse, 1958. P. 71]. Шестьдесят лет спустя вслед за пролетариатом «встал на паузу» и весь западный марксизм: «В Северной Атлантике (весь остальной мир за исключением нескольких регионов в Индо-Латинской Америке не сильно отличается) марксистская политическая деятельность либо исчезла, либо стала полностью маргинальной; в лучшем случае, как это мог бы выразить симпатизирующий наблюдатель из Кералы, Трипуры или Западной Бенгалии, марксизм поставили на паузу. Социалистический горизонт, отчетливо ярко-красный ещё три десятилетия тому назад, исчез» [Терборн, 2021. С. 239–240].

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- Адорно Т., Сэнфорд Р., Френкель-Брюнсвик Э., Левинсон Д. (2001). *Исследование авторитарной личности* [Adorno Th., Frenkel-Brunswick E., Levinson D., Sanford R. (2001). *The Investigation of Authoritarian Personality*]. — М.: Серебряные нити.
- Андерсон П. (2016). *Размышления о западном марксизме. На путях исторического материализма* [Anderson P. (2016). *Reflections on Western Marxism. On the Path of Historical Materialism*]. — М.: Common place.
- Баталов Э. Я., Никитич Л. А., Фогелер Я. Г. (1970). Поход Маркузе против марксизма [Batalov E. Y., Nikitich L. A., Fogeler Y. G. (1970). *Marcuse's Crusade against Marxism*]. — М.: Мысль.
- Браун К.-Х. (1982). *Критика фрейд-марксизма* [Braun K.-H. (1982). *Criticism of Freud-Marxism*]. — М.: Прогресс.
- Гэн Я. (2019). *Апология Маркса: новое прочтение марксизма* [Gan I. (2019). *Apology of Marx: a New Approach for Marxism*]. — М.: ООО Международная издательская компания «Шанс».
- Джеффрис С. (2018). *Гранд-отель «Бездна». Биография Франкфуртской школы* [Jeffries S. (2018). *Grand Hotel Abyss. The Lives of the Frankfurt School*]. — М.: Ад Маргинем Пресс.
- Кимелев Ю.А. (2021). Концепция постметафизического мышления Юргена Хабермаса [Kimelev J.A. (2021). *Jürgen Habermas' Concept of Post-Metaphysical Thinking*] // *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература*. Сер. 3: Философия. № 2. С. 188–206. DOI: 10.31249/rphil/2021.02.11.
- Лаврухин А. (2020). Критика идеологии в герменевтике Гадамера и критической теории Хабермаса [Laurukhin A. (2020). *Critique of Ideology in Gadamer's Hermeneutics and Habermas' Critical Theory*] // *Horizon*. №9 (1). С. 69–101. <https://doi.org/10.21638/2226-5260-2020-9-1-69-101>
- Лёзина Е. (2018). Денацификация Западной Германии. 70 лет с момента завершения программы [Lezina J. (2018). *Denazification of West Germany. 70 years Since the Programme's Completion*] // *Вестник общественного мнения*. № 3–4 (127). С. 192–206.
- Мерифилд Э. (2020). *Магический Марксизм. Субверсивная политика и воображение* [Merrifield A. (2020). *Magical Marxism: Subversive Politics and the Imagination*]. — М.: Ад Маргинем Пресс.
- Мотрошилова Н.В. (2020). Последнее интервью и новая книга Юргена Хабермаса: «Никто и ничто, достойные этого, не должны быть забыты в современной истории философии» [Motroshilova N.V. (2020). *Last Interview and New Book of Jurgen Habermas: «No one and nothing worthy of it should be forgotten in the modern history of philosophy»*] // *Философия. Журнал Высшей школы экономики*. Т. 4. №4. С. 297–313. DOI: 10.17323/2587-8719-2020-4-297-313.
- Нуреев Р.М., Ореховский П.А. (2021). Дискуссии об азиатском способе производства (Политэкономия социализма: когнитивный тупик 1970-х) [Nureev R.M., Orekhovsky P.A. (2021). *Discussions about The Asian Mode of Production (The Political Economy of Socialism: The Cognitive Deadlock of The 1970s)*] // *Вопросы регулирования экономики*. 12 (2). С. 6–21. DOI: 10.17835/2078-5429.2021.12.2.006-021.
- Ореховский П.А., Вархотов Т.А., Кошовец О.Б., Нуреев Р.М., Ермолов А.Ю. (2022). *Когнитивные структуры и политэкономия социализма в СССР* [Orekhovsky P.A., Varkhotov T.A., Koshovets O.B., Nureev R.M., Ermolov A.J. (2022). *Cognitive Structures and Political Economy of Socialism in USSR*]. — СПб.: Алетейя.
- Сянда Ч. (2019). *В глубь истории: историческая концепция К. Маркса* [Sjanda Ch. (2019). *Into the depth of History: historical conception of K. Marx*]. — М.: ООО Международная издательская компания «Шанс».
- Терборн Й. (2021). *От марксизма к постмарксизму?* [Theborn G. (2021) *From Marxism to Post-Marxism?*] — М.: Изд. дом Высшей школы экономики.
- Фогелер Я.Г. (1975). *История развития основных идей Франкфуртской философско-социологической школы* [Fogeler J.G. (1975). *History of the development of the main ideas of the Frankfurt philosophical and sociological school*] // *Социальная философия Франкфуртской школы* / Б.Н. Бессонов, И.С. Нарский, М.В. Яковлев (ред.). — М., Прага: Мысль, Свобода.
- Фромм Э. (2021). *Да победит разум!* [Fromm E. (2021). *Let the Reason Win!*] — М.: АСТ.
- Хоннет, А. (2022). *Идея социализма. Попытка актуализации* [Honnet, A. (2022). *The Idea of Socialism. Update Attempt*]. — М., Берлин: Директмедиа Паблишинг.

- Adorno Th., Albert H., Dahrendorf R., Habermas J., Pilot H. and Popper K. (1976). *The Positivist Dispute in German Sociology*. — Heinemann-London: Harper Torchbook.
- Barnett M. (2016). *The Star And The Stripes. A History of the Foreign Policies of American Jews*. — Princeton: Princeton University Press.
- Hook S. (1988). *Out of Step. An Unquiet life in 20th Century*. — N.Y.: Carroll & Graf Publishers, Inc.
- Jay M. (1996). *A History of the Frankfurt School and the Institute of Social Research. 1923–1950*. — Berkley: University of California Press.
- Lyotard J.-F. (1974). Adorno as the devil // *Telos*. 19. Pp. 128–137. DOI: 10.3817/0374019127.
- MacIntyre A. (1970). *Marcuse*. — London: Fontana.
- Marcuse H. (1958). *Soviet Marxism*. — N.Y.: Columbia University Press.
- Needham J. (1959). Book Reviews. *Oriental Despotism: A Comparative Study of Total Power*. By Karl A. Wittfogel // *Science & Society. Winter*. Vol. 23. No. 1. Pp. 58–65.
- Toynbee A.J. (1958). Book Reviews. *Oriental Despotism: A Comparative Study of Total Power*. By Karl A. Wittfogel // *The American Political Science Review*. Vol. 52. No. 1. Pp. 195–198.
- Vittfogel K. (1967). *Oriental Despotism. A Comparative Study of Total Power*. — New Haven and London: Yale University Press.

Вархотов Тарас Александрович

varkhotov@gmail.com

Taras Varkhotov

PhD (philosophy), senior lecturer, Lomonosov Moscow State University (Moscow),

Institute Of Economics, Russian Academy of Sciences (Moscow).

varkhotov@gmail.com

METHOD VERSUS TRUTH. PART 2. THE SCHISM WITH SOVIET MARXISM AND TRANSFORMATION OF FRANKFURT SCHOOL'S DISCOURSE

Abstract. The article is the second part of the study of the evolution of the Frankfurt School theoretical views in the context of the history of Marxism and the development of the «left idea» in the 20th century. The central point is the degeneration of «critical theory» into a conformist quasi-liberal-democratic conception that retains only a distant formal relationship with Marxism. It is shown how the critical attitude and radical negativism of the first generation of the Frankfurt School in the second generation gradually turn to a recognition that an alternative to liberal democracy and the capitalist economy is absent. Combined with the shaped in the 1950s rejection of Soviet Marxism and the USSR, which considered as a form of poorly disguised totalitarianism that fetishized labor and state power and abandoned freedom and reason in favor of domination and effective exploitation, the political conformism of the employees of the Institute for Social Research in Frankfurt am Main led to their actual break with Marxism. There was a rejection of both the main plots and approaches to their interpretation — economic relations, class struggle, dialectical materialism, etc. — and the Marxist language itself: the second generation of the Frankfurt School does not use Marxist terminology and abandons the Marxist discourse. The critical attitude from the universal metaphysical, as it was in Adorno, is reborn into an morally-epistemological one: it acquires objective limitations and means not pure negativity, but something opposite — a reflexive readiness to be wrong, a willingness to discover a mistake. In J. Habermas and A. Honneth, the critical attitude approaches the critical rationalism of K. Popper and turns from revolutionary into conformational — now it is a tool for creating social harmony and improving, rather than destroying the social order. In this way, the method defeats the truth, declaring it impossible, but in the end turning into an endless, unsolvable promise of approaching an unattainable truth, which cannot be, but which can be imagined. The theoretical (“critical”) work that leads nowhere ultimately benefits the existing order — in full accordance with Marcuse’s ideas about a one-dimensional society, but in a diametrically opposite modality for the second generation of the Frankfurt School: now this is a reason not for horror, but for optimism.

Keywords: *methodology, Marxism, alienation, Frankfurt school, critical theory.*

JEL: A12, A13, B24, B51.